

ПОКОЛЕНИЕ ТОРА

СЕМЯ ЖИЗНИ

Игорь Лопатин

Поколения ТОРа - семья жизни

«Автор»

2026

Лопатин И. В.

Поколения ТОРа - семя жизни / И. В. Лопатин — «Автор», 2026

«Поколения ТОРа» — космический ковчег, совершающий 300-летний полёт к звездной системе Росс 128. Это история о человеке, который решил узнать, кто он на самом деле. И о мире, где ложь стала единственной истиной. Он ещё не знает, что некоторые вопросы лучше не задавать. И что цена правды может оказаться выше, чем он готов заплатить

© Лопатин И. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Игорь Лопатин

Поколения ТОРа - семья жизни

Глава 1

Пиииип. — Будильник ворвался в тишину с настойчивостью пожарной сирены. Частота — где-то между «раздражающе» и «лучше сразу убейте». Разработчики явно подбирали параметры так, чтобы звук проникал сквозь любые преграды. Даже через подушку. Даже через сон.

Пиииип. — Я хлопнул по панели. Прوماхнулся. Вторая попытка — пальцы легли мимо сенсора: глазомер ещё спал, а рука работала где-то за пределами сознания. Сонная конечность двигалась с точностью пьяного крановщика. Третий удар достиг цели. Долгожданная тишина обрушилась на комнату. Я замер, слушая, как фантомный писк уходит в глубину головы.

— *Доброе утро, Алекс.* — Голос Отца ровный, без интонаций. — *День 36837. Медобследование. Посылка от Мари. И напоминаю: ты просил не дать тебе опоздать.* — Доброе утро, отец — буркнул я в подушку. Горло звучало так, будто я проглотил наждачку и запил песком.

Подъём дался с боем. Гравитация — стандартная, 0,9G — сегодня казалась настроенной против меня лично. Я свесил ноги с кровати и вступил в пустоту. Правый тапочек предательски укатился под стол.

Пришлось прыгать на одной ноге — пол по утрам обжигаете холодный. Я делал это с грацией циркового медведя, забывшего свой номер. Только с третьей попытки мне удалось нащупать ткань пальцами.

Умывальник тоже настроился против меня этим утром. Струя ледяной воды ударила в лицо, как предательский плевок, возвращая в реальность. Бодрость пришла мгновенно, вместе с чётким осознанием: я опаздываю. — Совещание — промычал я себе под нос.

Сегодня совещание у главного инженера. Он с утра раздаёт наряды и ставит задачи на месяц вперёд. Опоздать к нему — всё равно что прийти на экзамен без штанов: неловко, больно и запоминается надолго. Тем более я с трудом добился должности младшего инженера, и терять её из-за собственной рассеянности было бы глупо.

Комбинезон застегнулся сам, герметичные швы с тихим шипением проверили целостность. Я уже был готов стать инженером, но оставалось только найти очки.

— Где вы, чёрт вас подери?

Руки метались по прикроватной полке, затем пальцы нервно забарабанили по столу. И тут мой локоть, видимо решивший жить своей жизнью, задел вазу с розами.

Бдыщь Грохот.

Звук разбившегося стекла в тишине утра прозвучал как взрыв. Я замер. На полу растеклась лужица воды, среди которой лежали острые осколки стекла и керамики.

— Да твою ж! — вырвалось у меня громким хрипом, эхом отразившись от стен.

Сердце пропустило удар. Я посмотрел на часы: 04:45. До выхода — три минуты, до челнока — шесть. Убирать совсем нет времени. Если начну собирать осколки — опоздаю. — Ладно, — решил я, перешагивая через лужу. — Уберусь после смены. Или завтра, или послезавтра, или когда угодим в чёрную дыру. Неважно.

И тут я их увидел. Очки. Они лежали прямо на полке у двери, на самом видном месте, словно издеваясь над моей нарастающей паникой.

— Ага, попались! — Я схватил их и надел. Теперь можно не переживать за глаза.

Палец ткнулся в холодную панель биометрического сканера. Красный диод сменился на зелёный, и дверь с лёгким довольным гудением скользнула в сторону. Я выскочил в коридор,

даже не оглянувшись. За спиной она автоматически закрылась, активируя замок. Чужак сюда не войдёт.

Общий атриум встретил привычным гулом голосов и шумом мощной вентиляции. Тёплый сухой воздух с привкусом озона на языке, создаваемый климатической установкой, был пропитан запахом горячей выпечки, кофе и свежей зелени.

— Кофе. Чёрный. Двойной. Быстро! — скомандовал я механической коробке.

Машина жужжала, наливая тёмную жижу в герметичный стакан с трубочкой. Я схватил его, обжигая пальцы.

Взгляд на таймер над аркой: 01:25 до отправки челнока. Следующий рейс — только через семь минут! В данный момент это была целая вечность, которую я не мог себе позволить потратить на ожидание.

Возле лифтов уже собиралась толпа таких же зевающих и спешащих, как и я. Люди недовольно гудели и переминались с ноги на ногу, как стайки сонных пингвинов.

«Забудь», — сказал я себе, глядя, как загораются красные индикаторы перегрузки над обоими лифтами.

У меня осталась только лестница. Всего шесть этажей вниз.

Я рванул. Ступени мелькали под ногами. Тяжёлое дыхание билось где-то в рёбрах. На нижней палубе, у шлюзов транспортного узла, уже скапливалась новая толпа. Люди выглядели одинаково — как те пингвины двенадцатью пролётами выше.

Шшшшш-сссс Гермодвери разъехались. Толпа хлынула внутрь. Каждый толкался, извинялся. Я нырнул в последнюю свободную нишу у стены, чувствуя, как чей-то локоть впился в бок.

Двери сомкнулись. Герметизация прошла успешно.

— Фух, — выдохнул я, расправляя плечи и поднимая голову. Успел. Пульс постепенно восстанавливал привычный ритм.

— *Осторожно. Займите свои места и пристегните ремни,* — раздался из динамика знакомый мужской голос.

Послышался глухой щелчок, и челнок отделился от стыковочного узла. Почувствовал лёгкий толчок в спину. А потом желудок остался где-то позади.

То самое мерзкое ощущение. Как будто несёшься вниз на самых высоких качелях, и в верхней точке тебя на секунду отпускает. Щекотка внизу живота, неприятная и липкая. Гравитация начала сдавать позиции.

Напротив сидел мальчуган лет тринадцати из сектора Альфы. Рядом — наставник в строгой форме. По широко раскрытым глазам парня и тому, как он прижался лбом к холодному стеклу, было ясно: это его первый перелёт во внешнее кольцо. Наставник что-то тихо объяснял ему, указывая рукой на проносящиеся за окном конструкции: Видишь этот тоннель? Это внутренний транспортный тоннель. Торус — почти два километра в окружности, один оборот в минуту. Создаётся искусственная гравитация, но в внешнем кольце всё будет иначе. Нужно привыкнуть, чтобы не разбить нос о стену.

Слушая этот монотонный инструктаж, я прислонился к иллюминатору шаттла. Снаружи начался привычный гипноз. За стеклом простирался огромный тоннель, уходивший вдаль и постепенно растворявшийся за горизонтом видимости; казалось, что он стремительно надвигается на нас. Но правда была другой: это мы мчались сквозь вакуум относительно неподвижной платформы стыковки.

Нарушая моё периферийное зрение, мимо окна пронёсся транзитный шаттл. Я инстинктивно вздрогнул. За окном — абсолютный вакуум, глушащий любой шум. Он пролетел бесшумно, как призрак. Но вид этой махины, несущейся в сантиметрах от стекла, всегда вызывал первобытный страх.

Противоположная стена постепенно приближалась. Челнок уверенно сбавлял скорость, и на горизонте появился стыковочный шлюз транспортного узла. Скорость падала.

И вот оно — обратное чувство. Лёгкость. Невесомость медленно обнимала тело, забирая вес и делая тебя немного свободнее.

Проверяю карманы комбинезона: — Ручка? На месте. — Ключ-карта? В слоте. — Планшет? Пристёгнут ремешком к руке.

Если что-то выпадет сейчас, оно начнёт жить своей жизнью, плавно дрейфуя, и мне придётся играть в догонялки с авторучкой перед всеми. А я слишком стар для таких игр.

Стена дока заполнила весь иллюминатор. Мягкий удар амортизаторов. Стабилизация. Красный светодиод сменился на зелёный.

— *Прибытие. Внешнее кольцо, инженерное крыло.*

Шлюзовые двери с шипением разъехались.

«Можно выходить», — облегчённо шепнул я себе под нос.

Но мои ботинки предательски прилипли к полу шаттла. Настройки магнитного поля опять сбились. Чёрт. Ходить в невесомости — задача не из лёгких, но я практикуюсь с двенадцати лет. Тут нет ничего сложного, главное — настроить поле под задачу. Можно прыгать, как космонавт на Луне, преодолевая большие расстояния одним шагом. А можно включить 2G и ходить, как робот, еле отрывая ноги от пола. Всё зависит от того, что требуется сейчас.

Пять щелчков настроечной шайбы. Так-то лучше. 0,7G — моё любимое значение. Гравитоты — это не роскошь, а необходимость. Без них в невесомости ты превращаешься в неуправляемый снаряд. Это единственный способ сохранить человеческую походку там, где физика против тебя. А мне нужно было добраться до главного инженерного отсека за три минуты.

Я отстегнул ремни и направился к выходу, цепляясь за поручни шаттла. Лёгким шагом вышел в общий коридор внешнего кольца. Он непрерывно уходил в обе стороны, разделённый лишь открытыми переборками гермозатвора, пока где-то вдали не сворачивал, следуя изгибу конструкции. Я поспешно направился к проходу, над которым ярко-жёлтым светом сияла вывеска: «ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕРНЫЙ ЗАЛ».

Сводчатый коридор с мягкими амортизирующими вставками я преодолел за считанные прыжки. Так, тут поворот направо, главное — не проскочить.

За поворотом я увидел Эллу. Он стоял у массивных двухстворчатых дверей главного инженерного отсека, невысокий, щуплый, со взлохмаченными черными волосами, карие глаза и неизменными очками-микроскопами, сдвинутыми на лоб и, по обыкновению, нервно перебирал пальцами по карманам, как человек, который явно что-то потерял.

— Элл! — громко окликнул я его.

— Алекс! Ну-ну, наконец-то Т-ты время видел? — нервно, заикаясь, произнёс он и поднял щуплую руку, указывая тонким пальцем на временную панель. — 04:58! Д-две минуты! Опаздываешь

— Да-да, опаздывать нельзя, я знаю, — перебил я его с улыбкой. — Забыл перенастроить будильник. Но я же успел вовремя.

Тяжёлые экранированные двери с гулом гидравлических домкратов разъехались в стороны. В нос ударил запах ионизированного воздуха и перегретого металла — стойкий, едкий, как у горелой изоляции. Зал, огромный и светлый, гудел машинами. Панели моргали, отбрасывая на стены и пол холодные, пульсирующие блики. По потолку и стенам ползли массивы труб вентиляции и охлаждения, напоминая вены гигантского организма. В центре, у главного пульта, застыли трое. Дмитрий, главный инженер по энергоснабжению, сжимал планшет обеими руками, как щит перед лицом. Рядом — Форд, мой непосредственный начальник, и Татьяна. Она была здесь. А значит, снова что-то пошло не так. Вокруг них полукругом выстроились 33 человека: инженеры, техники, механики. Все в одинаковых серых комбинезонах с цветными нашивками отрядов, все смотрели на часы. Не хватало только нас двоих.

— А вот и вы, — громко произнёс Форд. На его лице появилась ухмылка, которая ничего хорошего не выражала, кроме удовлетворения от того, что мы всё-таки прибежали в последние секунды. — Мы уже хотели начинать без вас.

Мы молча встали в строй, заняв последние свободные места. Никаких оправданий. Никаких объяснений про разбитую вазу или лестницу. В этом отсеке ценились только два параметра: пунктуальность и компетентность. Первое мы только что с треском подтвердили. Второе нам предстояло доказать.

Форд обвёл взглядом всех подчиненных. Ухмылка исчезла, сменившись привычным рабочим выражением лица.

— Итак, день 36837, — сказал он. — Распределение задач на ближайшее время. Красный отряд: осмотр магнитного щита. Отряды Жёлтый и Зелёный займутся подготовкой Термоядерного генератора 2 к тестовому запуску перед плановой остановкой Термоядерного генератора 1. Татьяна введёт вас в курс дела по параметрам щита. Остальным — работать по обычным протоколам.

Татьяна шагнула вперёд. Она была высокой и подтянутой — рыжие волосы стянуты в тугой пучок, зелёные глаза смотрели холодно и цепко, осматривая корабельных инженеров. Скрестив руки за спиной, она замерла ровно, как солдат на построении, и резким, деловым тоном отчеканила:

— Поле «Эгиды» нестабильно! За сутки зафиксированы скачки напряжённости от 108 до 255 тесла — далеко за пределами нормы. Колебания бьют по всем узлам фронтальной части. Баланс контуров магнитного щита нарушен. Плазменный щит в носовой части на пределе — его мощность скачет, целостность поля под угрозой. Потеря щита — микропробоины, эрозия нанокарбона, неконтролируемые повреждения через пару суток. Радары теряют эффективность — уже минус тридцать процентов обзора. Мы теряем данные о пространстве впереди нас. Проверять кристаллическую проводку от ТГ-1 до распределительных узлов носовой части. Искать утечку тока в обшивку — это может привести к перегреву и деформации панелей. Осмотр в костюмах «Титан-М», бригадами по пять человек, сменами по восемь часов. Трое суток без остановок, пока не найдём причину.

Её слова повисли в воздухе тяжёлым грузом. По залу пробежал шёпот — люди в тревоге переглядывались, тихо обсуждали услышанное.

Я чувствовал, как внутри разрастается тревога. 108–255 тесла — это не просто скачки, это утечки в кристаллической проводке, что фоном даёт сбои на генераторы плазменного контура и радары. Если всё это начнёт сыпаться одновременно, мы не успеем даже понять, что пошло не так.

— Вопросы? — резко спросила Татьяна.

Глубокий вздох, поправил лямку комбинезона. Предстояло много работы.

— Дмитрий, энергопотребление, — произнёс Форд, кивая в сторону главного энергетика.

Дмитрий был из старейшин — одним из самых опытных людей на корабле. Высокий, худой, под семьдесят. Седые волосы, короткая борода, голубые глаза, в которых всегда читалось напряжение человека, несущего на плечах то, что другим и не снилось. Он что-то набирал на планшете — пальцы с невероятной скоростью бегали по сенсорному экрану.

— Кхе-кхе, — вырвалось у Форда.

Дмитрий приподнял одну бровь и бросил на него взгляд, затем опустил планшет и усталым взглядом осмотрел молодых подчинённых.

— Отец распорядился о необходимости провести плановые проверки, — спокойным, почти мертвецки холодным голосом произнёс Дмитрий. — Перед остановкой ТГ-1 необходимо запустить ТГ-2. Его необходимо вывести на испытательную мощность 22 гигаватта, — снова его взгляд опустился на планшет; он быстро ввёл данные, проверил показатели и продолжил: — Это избыточная нагрузка для текущих потребителей. Избыток будет направлен на нагрев

внешних контуров охлаждения в носовой части, и избыточная энергия рассеется в космосе в виде тепла. Это необходимо для компенсации теплового градиента при переключении генераторов. Параметры подачи: стабильный поток, без пульсаций. В случае любого сбоя — аварийная остановка ТГ-2.

Его взгляд был тяжёлым, он будто сканировал каждого. Его речь была долгой, в ней было много сложных терминов, цифр, только цифр и протоколов. Когда его монолог закончился, в зале снова воцарилась гробовая тишина.

— Вопросы? — спросил Дмитрий.

Никто не ответил. Задача была ясна: сложна и понятна.

— Форд, брифинг окончен. Всем, кому ясна задача, отправляйтесь на работу.

— Алекс, — окликнул меня Форд, когда мы уже начали расходиться. — Вам будет необходимо сопровождать красный отряд. Путь туда неблизкий, а оборудования будет много. Заберёте его со склада. И никаких обсуждений.

Я молча кивнул. Честно говоря, идея мне даже понравилась: давненько я не бывал в носовой части корабля. Надо только не забыть наушники, а то от гула маховика быстро заболит голова.

Я развернулся и подошёл к Эллу. В этот момент он пытался поймать отвёртку, которая предательски уплывала от него в невесомости.

— Ну вот, сколько раз тебе говорить? — раздражённо произнёс я. — Все инструменты должны быть на магнитном поясе, а не торчать из карманов.

— Ха! Попалась! — радостно вскрикнул Элл, схватив её двумя руками.

— Ты меня вообще слушаешь? — я повысил голос. — Не забывай, ты стажёр. За твои косяки влетит и мне. Или забыл, как в прошлый раз из-за неправильного монтажа реле питания чуть не сгорела вся линия кристаллической проводки, а потом нас Форд отправил два дня оттирать птичье дерьмо под сводом атриума?

— Ну зато там был потрясающий вид, — радостно добавил Элл, прижимая отвёртку к груди, как трофеем.

Выдохнул, понимая, что спорить бесполезно.

— В общем, выполняй задачу. Я пойду с красными на склад. Вернусь позже. И постараюсь ничего не испортить, пока меня нет.

— Так точно, будет сделано, сэр! — он дурашливо вытянулся и приложил руку к виску.

— Вольно, — буркнул я себе под нос и направился к выходу.

За выходом из инженерной меня уже ждала команда из пяти человек в серых комбинезонах с красными нашивками на плечах и спине. Я их практически не знал — вместе не доводилось работать. Кроме Роя — коренастого, среднего роста, с коротко стриженной головой и карими глазами. Взгляд у него был добрый и спокойный. Мы с ним знакомы с детства: выпускались в одном учебном потоке, вместе устраивались в инженерное крыло. Надёжный человек — на него можно было положиться.

— Алекс, — сказал он, чуть кивнув. — Только тебя ждём.

Догнал их, когда они подходили к площадке грузового лифта, ограждённой композитными поручнями. За ней зияла огромная шахта — она уходила вниз метров на пятьдесят. В глубине тускло горели редкие красные фонари, а снизу доносился ровный гул: платформа медленно поднималась. Шахта выглядела порталом в неизвестность.

Я подошёл ближе. Панель управления — кнопка вызова уже горела зелёным. Рядом табличка: «Убедитесь в наличии искусственной гравитации». Я машинально посмотрел на ботинки, чтобы удостовериться в правильности настроек.

На последних метрах послышался неприятный металлический скрежет — стопорные пальцы вошли в пазы, платформа дёрнулась и замерла ровно на уровне палубы. Ограждения с глухим щелчком опустились.

— Заходим, — сказал Рой, первым ступая на решётчатый пол. Команда двинулась следом. Я шагнул последним — платформа начала гудеть под весом наших гравоботов.

Рой окинул нас взглядом и нажал на кнопку.

Платформа дёрнулась и начала опускаться. Огни верхних палуб медленно уплывали вверх, и мы неспешно погружались в глубину ТОРа.

— Мне совсем не понравилось, — сказал Рой, — что сегодня сказала Татьяна. Все эти скачки напряжения — очень странная вещь.

— Кристаллическая проводка не может так сбоить, — продолжил я. — Технические узлы давно бы это зафиксировали, и сработала бы защита, но Татьяна ничего про это не сказала.

— Просто так это не может происходить, — согласился Рой. — Тут вмешался кто-то или

В этот момент лифт сильно тряхнуло — он на мгновение притормозил. Один инженер чуть не слетел с платформы, по стенам прошла лёгкая вибрация, и корпус слегка загудел.

Мы переглянулись — в наших глазах читались недоумение и лёгкий испуг. Мы вцепились в поручни и молча озирались по сторонам, пока лифт продолжал спуск.

Постепенно мы тонули в густой темноте. Свет исчез полностью — ни аварийных ламп, ни бликов от панелей. Только холодная пустота да тихий шорох движения платформы. Напряжение висело в воздухе, и каждый вздох казался слишком громким в этой непроницаемой тьме.

Когда лифт с тем же противным скрежетом остановился, я задержал дыхание. Тишина. И затем — первый щелчок. Реле замкнуло контакт, и над нами вспыхнул ряд тусклых ламп. Следом — второй, третий, и свет покатился вдаль каскадом, отбрасывая мрак к дальним стенам. Щёлчки реле звучали как выстрелы, эхом отражаясь от металла.

Тьма отступала медленно, и перед нами проявлялся ангар. Огромный, холодный, пугающий. Стеллажи уходили к самому потолку, теряясь где-то в полумраке на высоте тридцати или даже сорока метров. Композитные конструкции переплетались в лабиринт бесконечных проходов и ячеек. Воздух пах железом и сухой пылью, которая оседала на языке. И только гул вентиляции разбавлял эту тишину.

В этом подземелье жили они — роботы-пауки, как мы их называли. Можно было услышать цоканье сотен маленьких механических лапок, хаотично звенящих в недрах огромного склада. Они сновали между стеллажами, цеплялись за вертикальные балки, переползали с уровня на уровень, словно насекомые в гигантском улье. Сотни их, они будто повиновались коллективному разуму.

Один из них замер на мгновение, сканируя нас, затем развернулся и исчез в глубине прохода. Они не обращали на нас внимания, если не мешать их работе.

Рой дал команду рукой — короткий, резкий жест. Отряд бесшумно рассыпался, двинувшись в центр огромного склада. Я остался стоять у входа, провожая их взглядом.

— Мы будем собирать оборудование, — сказал Рой, обернувшись на ходу. — А ты притащи нам одну из тех. — Он мотнул головой в сторону ряда тележек, припаркованных у дальней колонны, и скрылся за стеллажами.

Я остался один.

На мгновение закрыв глаза, глубоко вдохнул и медленно снял очки. Свет здесь был тусклым, полумрачным — идеальные условия для моего зрения. Я открыл глаза.

Склад проступил в деталях. Стеллажи, которые секунду назад казались смутными тенями, теперь обрели чёткость: я видел каждую заклёпку, каждый стык пластин, каждую маркировку на дальних коробках. Роботы-жуки, снующие в проходах, теперь не просто мелькали — я мог разглядеть их сочленения, сенсорные панели на корпусах, мерцание индикаторов на спинках. В этом полумраке я чувствовал себя почти дома.

Подожёл к ряду тележек. Они стояли ровно, пристыкованные к зарядным станциям. Я нажал кнопку на рукоятке — и тележка отозвалась ритмично нарастающим гудением, слегка

приподнявшись над полом. Магнитные подушки мягко зашипели, освобождая платформу от сцепления. Я взялся за ручку, потянул на себя — тележка послушно скользнула.

Сделал шаг назад, и тут кто-то врезался в мою ногу. Резко обернулся. Прямо за моей спиной, уткнувшись в мою ногу, стоял паук. Он не двигался. Он уставился на меня — сканируя, анализируя, определяя, кто вторгся в его маршрут. Мы застыли на мгновение, глядя друг на друга.

Я не разбираюсь в робототехнике, но знал: эти пауки не используют камеры. Они не видят нас в привычном смысле. Да и живут они в вечном мраке. У них ультразвук — частота выше двадцати килogerц, или что-то вроде лидара. Они сканируют пространство, строят карту препятствий, и любой объект, нарушивший их маршрут, становится проблемой.

Сделал шаг в сторону. Паук замер на мгновение, перестраивая траекторию, и продолжил путь. Его шесть маленьких лапок, каждая с тремя суставами, ловко перебирали по полу. Магнитная панель на спинке, к которой крепился груз, мерцала синим индикатором. Паук быстро скрылся за стеллажами, растворившись в глубине ангара.

Тележка толкалась легко — почти без усилий. Магнитные подушки гасили трение, я практически не чувствовал веса, и она с лёгким гудением плыла впереди.

Когда я добрался до центра ангара, команда уже работала в невесомости. Они парили над полом, отталкиваясь от любых поверхностей — от стеллажей, от балок, друг от друга. Серые комбинезоны мелькали между рядами: кто-то ловко забирался к верхним ярусам, цепляясь за перекладины и отталкиваясь ногами; кто-то перехватывал коробки на лету, передавая их дальше по цепочке.

Я подкатил тележку к месту сбора, и они начали укладывать груз. Коробки выглядели тяжеленными — при гравитации такую штуку и вдвоём-то не поднять. Но в невесомости можно почувствовать себя Гераклом из греческой мифологии. Я помогал загружать коробки на платформу и каждый раз испытывал странное удовлетворение от того, как легко они двигаются.

— Хорошо работать в невесомости, — пробормотал я себе под нос.

Тележка наполнялась быстро. Коробки укладывались ровными рядами, закреплялись ремнями, чтобы не сдвинулись при начале торможения. Когда платформа была почти полной, Рой обошёл её по периметру, сверяясь со списком на планшете. Он хмурился, водил пальцем по экрану, что-то бормотал под нос — нечленораздельные обрывки фраз, которые я не мог разобрать. Периодически он останавливался, заглядывал в коробку, сверял маркировку и удовлетворённо кивал.

Двое из красных уставились на меня, и в их глазах читалось что-то среднее между благоговением и желанием вызвать экзорциста. Я даже не сразу понял, в чём дело, пока не сообразил: они смотрят на мои зрачки. Моя особенность. В полумраке склада мои глаза превращаются в два абсолютно чёрных провала, в которых не видно ни радужки, ни намёка на человеческое. Просто две чёрные дыры, плавающие в белых глазных яблоках.

Выдержал паузу. Посмотрел на них максимально пристально. И специально распахнул как можно шире веки, чтобы чёрные пятна стали видны ещё отчётливее.

Они синхронно отвернулись, как будто я только что продемонстрировал им нечто неприличное. Я чуть не рассмеялся. Если бы они знали, что в этой черноте я просто вижу лучше них, возможно, им стало бы спокойнее. Но пусть лучше боятся. Это хоть как-то развлекает.

— Так, — наконец произнёс Рой, поднимая голову. В голосе его звучало довольство. — Вроде всё есть. Можно выдвигаться.

Мы развернулись и неспешно двинулись к лифту. Тележка катилась легко, почти бесшумно, и только изредка поскрипывали ремни, удерживающие груз.

И в этот момент свет моргнул. Раз. Два. Мы переглянулись. Я поднял голову, пытаюсь понять, что происходит, — свет погас на секунду, потом загорелся снова. В тот же миг мы

медленно начали отрываться от пола. Я попытался зацепиться за поручень, но руки скользили по холодному металлу. Тележка тоже оторвалась от пола. Один из бригады нервно проверял настройки гравиботов.

Свет моргнул снова. И в тот же миг новый толчок оказался гораздо сильнее. Нас швырнуло в сторону, и мы с грохотом впечатались в стеллаж. По стенкам корабля прокатился низкочастотный гул, композитный корпус скрипел — мы были как в утробе гигантского кита.

В глазах вспыхнули белые искры, я на мгновение потерял ориентацию. В ушах звенело, голова гудела, я с трудом понимал, где нахожусь.

Свет снова погас. В глазах — искры, голова кружится, и голос Роя — срывающийся, громкий:

— Приём! Что произошло? Приём!

Из рации доносилось только шипение, треск и снова шипение. Рой повторил вызов, но ответа не было. Только помехи. Затем сквозь шум пробился голос Татьяны — взволнованный и немного напуганный:

— пробой щита! Пшшшш Системы были перенаправлены на Пшшшш Несколько пробоин в носу! Пшшшш

Связь оборвалась.

Я парил в метре от пола вниз головой, пытаюсь сориентироваться и собраться с мыслями. В глазах всё ещё плавали белые пятна. Гравиботы снова загорелись зелёным светом. Платформа дёрнулась, и я с глухим стуком упал на металлический пол. Кто-то рядом застонал. Рой стоял на коленях, пытаюсь наладить связь с диспетчерской.

— Элл, — выдавил я, нажимая кнопку коммуникатора. Голос был хриплым, в ушах всё ещё звенело. — Элл, чёрт возьми, что случилось?

Из динамика слышалось шипение, потом — голос друга. Взволнованный, слегка срывающийся:

— Алекс! Дмитрий говорит, радары пропустили несколько камней. «Эгида» не справилась. Корабль получил пробойну носового щита. Но — дальше было только шипение, связь тоже отказала.

Я поднялся на ноги. Команда потихоньку приходила в себя. Рой хлопнул меня по плечу, но ничего не сказал — просто кивнул. Мы переглянулись, не веря, что это только что произошло.

Мы в спешке поднимались обратно вверх. Я нервно натянул очки. Палубное освещение было ярким — слишком ярким для меня. Я зажмурился на секунду, привыкая к резкому свету, и только потом открыл глаза.

Лифт остановился с тем же знакомым скрежетом. Платформа дёрнулась, замерла. Мы вышли и направились в сторону транспортного узла.

Не сбавляя шаг, я на секунду обернулся — услышал разъярённый голос Дмитрия, который орал на подчинённых. Он явно был не в духе. Главное — не попадаться ему на глаза. Вернул взгляд вперёд — и в тот же миг что-то красное пролетело перед лицом. Две капли, потом ещё одна. Провёл рукой по щеке — пальцы стали красными от крови.

Рой подбежал ко мне тяжёлыми шагами.

— Дай посмотрю, — сказал он серьёзно, вглядываясь в моё лицо.

Я молча убрал руку. Он пристально всмотрелся.

— Всего небольшое рассечение. Сейчас подлатаем.

Из поясной сумки он достал герметичный пакет, вскрыл его и вытащил стерильную салфетку. Начал протирать правую часть лица. Глаза резко защипало, в нос ударил едкий запах спирта — я закашлялся.

Рой только ухмыльнулся:

— Терпи, герой.

Он убрал кровь с лица, затем нанёс гель, который мгновенно свернулся, остановив кровотечение, и для надёжности залепил пластырем.

— Всё, — хлопнул по плечу. — Как новенький. Побежали, надо догонять ребят. Они уже наверняка возле узла.

Я кивнул и прибавил шаг.

Мы вошли в транспортный узел. Красная команда уже была на противоположной стороне — стояла на потолке в восьми метрах над нами и что-то обсуждала. Нам предстояло совершить кувырок на сто восемьдесят градусов. В невесомости понятия «потолок» и «пол» размываются, но мозг всё равно сопротивляется, когда делаешь шаг навстречу стене: вестибулярный аппарат в панике кричит, что сейчас упадёшь.

Вертикальные арки соединяли две параллели. Первый шаг — самый сложный: голова отказывается принимать реальность. Второй, третий — и уже идёшь по стене. Для тележек здесь был отдельный поворотный лифт — технику по этим поверхностям не перетаскать.

Через несколько секунд я уже стоял рядом с остальными. Они ждали у последнего шлюза: две первые платформы для пассажиров, третья — грузовая. На табло горело: 01:48.

Из динамиков раздался голос Отца — ровный, спокойный, почти гипнотический:

— Всем сохранять спокойствие. Ситуация под контролем.

Почти поверил.

С противоположной стороны докового отсека выскочили четверо в синих медицинских комбинезонах. Они длинными прыжками устремились в коридор, откуда мы только что пришли. «Кто-то пострадал», — мелькнула мысль. Я надеялся, что ничего серьёзного.

— Алекс, десять секунд, — голос Роя вывел из раздумий.

На табло таймер приближался к нулю. За иллюминаторами появился серебристый состав на магнитной подушке — просторный, больше обычного шаттла. Каждый вагон брал до пятидесяти пассажиров, но они никогда не заполнялись и наполовину.

— Тележку отключаем, крепим стропами.

Я выдвинул чёрный ремень с одной стороны и защёлкнул его за пол поезда. Кнопка — ремни медленно затянулись, тележка прилипла к полу. Мы встали по бокам, ожидая команды.

— Двери закрываются. Пристегнуть ремни.

Глухой гул, лёгкий толчок — и состав начал разгоняться. Туннель стремительно летел навстречу. Мы даже не успели привыкнуть к движению, как объявили станцию:

— Центральный отдел. Выходя, будьте осторожны.

Мы быстро открепили тележку и вышли в транспортный узел. До цели оставалось метров двадцать. Впереди нас ждали двойные гермодвери с крупной надписью: «ЭГИДА».

— Ну, нам сюда, — сказал Рой, и мы шагнули вперёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.